

— Осторожно, — Чжао Хаочэн стоял рядом с Вань Цзяньцянем и инстинктивно потянул его к себе.

Курьер с тележкой проехал мимо. Вань Цзяньцянь прижался к Чжао Хаочэну — к широкой, плотной груди, от которой веяло надёжностью.

«Хм, так и есть: чтобы тянуть роль мужского главного героя, нужна нормальная комплекция. В конце концов, ему ещё предстоит освоить „принцессоноску" и покорить девичьи сердца».

Крепкий. И высокий.

Вань Цзяньцянь, только что прислонившийся к нему, внезапно ощутил нечто неприятное — он маленький.

До попадания в книгу у него был рост метр семьдесят восемь. Он ещё мог округлить до ста восьмидесяти — с натяжкой, но мог. А здесь, в новом теле, три сантиметра куда-то испарились. Три сантиметра — это мужское достоинство, это принципиально важно. Это означало одно: хвастаться ростом метр восемьдесят Вань Цзяньцянь больше не мог.

Он был в ярости. Но сильнее злился на то, что у мужского главного героя явное преимущество по росту — тот возвышался над ним целую голову. Полное и безоговорочное превосходство.

Окружающие: «!!!!!»

Му Жун: «?????»

Вань Цзяньцянь дождался, пока тележка проедет, неловко улыбнулся и оттолкнул Чжао Хаочэна в сторону.

— Недоразумение. Всё — недоразумение.

Ладно, хоть обошлось.

Хотя обошлось — это громко сказано. Его рожок с мороженым целиком опрокинулся на Чжао Хаочэна.

А рожок самого Чжао Хаочэна невозмутимо стоял у него в руке, высоко поднятый и нетронутый.

Чжао Хаочэн: «.....»

Сладкий молочный запах заполнил пространство вокруг. Липкость раздражала — что-то неприятное, что не опишешь словами, просто не нравится, и всё.

— Я живу рядом, — тут же воспользовалась паузой Му Жун, протягивая Чжао Хаочэну пачку салфеток. — Можете зайти умыться. — Она смотрела на него с нескрываемым восхищением. — Чжао Хаочэн, ты подстригся. Здорово выглядишь.

Внутренний монолог Вань Цзяньцяня: «Конечно здорово, ещё бы. Ладно, мужской главный герой, сдаю тебя в надёжные руки. А тебе, женский главный герой, советую очки подобрать — где ты тут красоту нашла. Хотя что уж там: красота в глазах смотрящего».

Система не собиралась спускать ему это с рук. Вань Цзяньцянь поторопился выхватить салфетки из рук Му Жун и сунул их Чжао Хаочэну — для вида, чтобы не позволить им сблизиться сверх меры.

— Пустяки, — бросил он. — Мы скоро в общежитие вернёмся, не будем отвлекать Му Жун. — Он машинально потрогал свои завитые волосы.

Что он вообще делает? Разлучает влюблённых. Рушит шип.

Вань Цзяньцянь смотрел на Чжао Хаочэна с видом одинокого и брошенного человека, и взгляд этот недвусмысленно говорил: иди к ней, прямо сейчас, немедленно.

Дождь шуршит, трава густа — Вань-гэ снова сам.

По всем законам жанра влюблённый в Му Жун «пушечный снаряд» должен был костями лечь, лишь бы не пустить мужского главного героя в дом к девушке. И тем более — мыться. Слишком интимно. Недопустимо.

А Вань Цзяньцяню, которому до школьной красавицы не было ни малейшего дела, в голову лезло совсем другое: могли бы милуваться где-нибудь в другом месте, я тут не третий лишний, с какой стати на меня это всё обрушилось.

Раздвоение личности в прямом эфире.

— Вань Цзяньцянь, — Му Жун уставилась на него.

— Пошли, — Вань Цзяньцянь кинул взгляд на Чжао Хаочэна, всё ещё промокающего одежду. — Возвращаемся в общежитие.

Внутренний монолог: «Ну же, откажись. Иди с женским главным героем».

— Ничего страшного, — сказал Чжао Хаочэн, обращаясь к Му Жун. — Мы пойдём в общежитие.

В такси Вань Цзяньцянь сидел молча — рта не открывал. Потому что этот «пушечный снаряд» в очередной раз отличился.

Для удачного романа необходимо несколько составляющих: беспринципный клоун- «пушечный снаряд» А, который лезет на рожон; «пушечный снаряд» Б, соперничающий с мужским главным героем за женский; «пушечный снаряд» В, методично давящий на протагониста; и «пушечный снаряд» Г, которого в конце концов ставят на место.

Когда А, Б, В и Г сливаются в одно целое — получается Вань Цзяньцянь.

Только что он отыграл сразу А, Б и В. И теперь, по всей видимости, готовился принять эстафету Г.

Вань Цзяньцянь откинулся на сиденье и протяжно выдохнул.

Зачем мужской главный герой вообще отказался? У него что, мозги набекрень? Или нервный сбой? Или просто делать нечего?

— Вообще-то, — нарушил тишину Чжао Хаочэн — кому-то надо было, — я... — Он искал нужные слова. История с Вань Цзяньцянем и Му Жун уже разлетелась по всей округе — даже во Второй средней знали, что тот неровно дышит к школьной красавице. Главный анекдот Третьей средней.

— Тайная любовь — это война с самим собой. Привыкай.

Вань Цзяньцянь придержал воздух в груди.

— Я не тайно... Я вообще-то...

— Да, ты открыто. — Чжао Хаочэн чуть усмехнулся. — Это, честно говоря, тоже... по-своему круто. Смелость — говорить вслух то, что чувствуешь на самом деле.

Он прислонился виском к стеклу. За окном текла вечерняя улица — пешеходный переход, отец несёт на руках ребёнка с воздушным шариком, рядом идёт мать.

Чжао Хаочэн закрыл глаза.

В такси тихо дул кондиционер. «Это как мужской главный герой умеет так утешать — литературно и с подъёмом, нормальный человек так не скажет».

— Я, блин... — Вань Цзяньцзянь уже открыл рот, но осёкся.

Неоновые огни за окном скользили по лицу Чжао Хаочэна — красные, синие, цветные. Красиво.

Не понять: человек красивый или огни. А может, и то и другое.

Больше ни слова. Оба молчали, пока такси не свернуло к Третьей средней.

На развязке — пробка.

Водитель включил радио.

— Добрый вечер, уважаемые слушатели! В эфире вечерний выпуск новостей. Дела внутренние, дела внешние, дела мировые — всё для вас. Начнём с метеосводки. В связи с приближением тайфуна «Виктория» наш город ожидает затяжные ливни. Ожидаемая продолжительность осадков — значительная. Горожанам рекомендуется принять соответствующие меры...

— Такая жара стояла, наконец-то дождь, — пробормотал водитель, опуская стекло.

Едва они переступили порог общежития — с неба хлынуло. Гром, молния, ливень стеной.

Оба чуть подмокли. Вань Цзяньцзянь потянулся за полотенцем, промокнул волосы, потом вспомнил про укладку и осёкся — нельзя смять завивку.

Чжао Хаочэн был проще: умылся, почистил зубы, наспех растёр волосы — и всё.

Вань Цзяньцзянь, покончив с волосами, вскрыл пакет с лапшой.

— Проголодался снова. Будешь лапшу?

Несколько недель он жил в комнате и давно уже купил по интернету рисоварку — специально, чтобы варить лапшу нормально. Растущему организму требовалась еда. Ну и маленькое суеверие: говорят, резкий скачок роста бывает в двадцать три — вдруг ещё вытянется пара сантиметров.

— Нет, — отозвался Чжао Хаочэн, не отрываясь от тетради. Настроение было не очень.

Вань Цзяньцянь принялся варить лапшу у него за спиной и мысленно проворчал: «Что опять стряслось? Мужской главный герой вечно изображает загадочность».

Для полноты удовольствия Вань Цзяньцянь разбил в кастрюлю ещё два яйца-пашот.

— Лапша готова! Попробуй хоть глоток, — позвал он, уже подхватив палочки. Варёная лапша — это совсем другое дело, не чета залитой кипятком.

Свежие ингредиенты плюс непревзойдённое мастерство Великого Мастера Кастрюли — шедевр. Миска дышала насыщенным ароматом. Додумывать было некогда — Вань Цзяньцянь снова потянулся палочками.

Никакой реакции. Вань Цзяньцянь про себя отмахнулся: «Ну и ладно. Раз не хочешь — сам всё слопаю».

И тут на его свежезавитые волосы упала капля. Холодная. Он вздрогнул.

Что за...? Покушение?

Моя укладка. Только сделал.

Ещё капля. Ещё. Капли не прекращались. Потом кусок штукатурки отвалился от потолка — и точнёхонько плюхнулся в кастрюлю с лапшой.

[Система завершила наказание. Не сдавайся, хозяин. Продолжай в том же духе.]

Тележка в торговом центре — мелочи. Никому не спрятаться от этой паршивой системы. Вань-гэ всякого повидал.

— Ёлки-палки. Моя лапша! — выдохнул Вань Цзяньцянь. Стойкость иссякла.

Система умеет уничтожить человека тысячью способов. Каждый — точно в цель. Не угадаешь, не спасёшься.

Когда штукатурка упала, Чжао Хаочэн наконец обернулся. Вань Цзяньцянь стоял с убитым видом. А из дыры в потолке тем временем заморосило — одна капля, две, три, четыре — всё чаще, гуще, пока не собрался в настоящую водяную завесу.

— Это... — произнёс Чжао Хаочэн с нескрываемым удивлением.

— Эх, — вздохнул Вань Цзяньцянь. Всё это из-за сегодняшней стрижки. Вспомнилось радио в

такси: «затяжные осадки». — Моя вина. Не надо было тащить тебя стричься. Не пошли бы стричься — не пошли бы на горячий горшок. Не пошли бы на горячий горшок — не встретили бы Му Жун. Моя вина.

Избитая тема. Вань Цзяньцянь молча терзался.

— Стричься? — Чжао Хаочэн никак не мог взять в толк. Он смотрел на Вань Цзяньцяня — у того был блуждающий взгляд человека, за которым стоит целая история: в усталости угадывалась беспомощность, а в глубине что-то неопределённое пряталось — тёмное, как море, и яркое, как звёзды.

Этот человек прожил несколько жизней.

Потрёпанный, но несломленный. Прошедший огонь и воду, но не утративший остроты. Идущий против ветра.

Хемингуэевский мужчина.

— Халтура, — пробормотал Вань Цзяньцянь. — Явная халтура.

Он лёг на кровать. На полу стояло несколько тазиков, в которые мерно капало: кап, кап, кап — живая, осязаемая водяная завеса.

Они договорились дежурить по очереди и выносить воду — иначе к утру комнату зальёт.

— Чувствую себя жителем Водяного Грота, — сообщил Вань Цзяньцянь, откусывая яблоко.

Лапша была безвозвратно потеряна. Система унесла её вместе с кастрюлей. Ни лапши, ни бульона — ничего.

Пришлось ополоснуть яблоко дождевой водой из подоконника. Невелико утешение, но своё.

Чжао Хаочэн лежал на кровати и слушал дождь. Вот что значит «в дырявом доме — всегда ливень». Суеты хватало и без лирики.

— Значит, ты — Царь обезьян? — спросил он. Редкий случай, когда его угораздило на шутку.

— Конюший небесных конюшен меня не устраивает. Если уж становиться кем-то — то Нефритовым императором. Ешь что хочешь, спи где хочешь, — Вань Цзяньцянь запустил огрызок в мусорное ведро. Точно в цель.

— Да!!! — завопил он.

Вот каков этот пушечный снаряд — горд и неотразим.

Немало жизней склонилось пред ним.

<http://bllate.org/book/20139/2172010>